

Научная статья

УДК 342.41

DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-1-5-13

Современное конституционное право России: преемственность, новации и конституционная самобытность

Татьяна Ивановна Ряховская

Сибирский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы
Новосибирск, Россия
ryakhovskaya-ti@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1454-0182>

Аннотация

Уточнение тенденций становления и развития науки и практики конституционного права способствует конкретизации ее категориально-понятийного аппарата, что приобретает особую актуальность в связи с поправками в Конституцию России 1993 г., одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 г.

В процессе исследования было обнаружено следующее: происходящие процессы новеллизации конституционной науки и практики базируются на некоторых преемственных аспектах доктрины и практики; преемственность в конституционном праве – одна из форм сохранения конституционной самобытности, проблема которой остра и по сей день, учитывая нарастающий процесс глобализации, стирающий различия между Основными законами государств.

Ключевые слова

конституционная самобытность, поправки в Конституцию РФ, преемственность в конституционном праве, федеральные территории, наказания избирателей, конституционная идентичность

Для цитирования

Ряховская Т. И. Современное конституционное право России: преемственность, новации и конституционная самобытность // Юридическая наука и практика. 2022. Т. 18, № 1. С. 5–13. DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-1-5-13

Modern Constitutional Law of Russia: Continuity, Innovations and Constitutional Identity

Tatyana I. Ryakhovskaya

Siberian Institute of Management –
A Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration
Novosibirsk, Russian Federation
ryakhovskaya-ti@ranepa.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1454-0182>

Abstract

Clarification of the trends in the formation and development of science and practice of constitutional law contributes to the concretization of its categorical and conceptual apparatus, which becomes especially relevant in connection with the amendments to the 1993 Constitution of Russia, approved by the all-Russian vote on July 1, 2020.

In the course of the research, the following was discovered: the ongoing processes of novelization of constitutional science and practice are based on some successive aspects of doctrine and practice; continuity in constitutional law is one of the forms of preserving constitutional identity, the problem of which is acute to this day, given the growing process of globalization, which erases the differences between the Basic Laws of States.

© Ряховская Т. И., 2022

Keywords

amendments to the Constitution of the Russian Federation, continuity in constitutional law, federal territories, voter orders, constitutional identity

For citation

Ryakhovskaya T. I. Modern Constitutional Law of Russia: Continuity, Innovations and Constitutional Identity. *Juridical Science and Practice*, 2022, vol. 18, no. 1, pp. 5–13. (in Russ.) DOI 10.25205/2542-0410-2022-18-1-5-13

Определение и выявление тенденций становления и развития науки и практики конституционного права способствует уточнению категориально-понятийного аппарата правовой системы в целом, обнаружению природы изменений, происходящих в государственном праве, которые приобретают особую актуальность в связи с недавними поправками в Конституцию России 1993 г., одобренными общероссийским голосованием 1 июля 2020 г. в результате которого, согласно Постановлению Избирательной комиссии Российской Федерации от 3 июля 2020 г. № 256/1888-7, итоговая явка составила 67,97 %, причем поправки поддержали 77,92 % избирателей, что подтверждает значимость внесенных изменений для самого многонационального народа.

Особого внимания заслуживает и характеристика Конституционного Суда РФ, данная Основному закону в Заключении от 16 марта 2020 г., где уточняется, что он представляет собой «высшую универсальную форму легитимации России», утверждает ее конституционную самобытность в национальном и наднациональном праве.

В то же время, по меткому замечанию К. В. Чувилкина, конституционные трансформации в Российской Федерации всегда имеют общую закономерную связь «историко-культурных и политико-правовых традиций государства с современным конституционно-правовым регулированием», которая выражается в преемственности [1, с. 4].

Следовательно, можно предположить, что такая категория, как конституционная самобытность, напрямую с ней связана. Необходимость доктринальной и практической поддержки выше обозначенного прослеживается и в идеях, провозглашенных Президентом РФ В. В. Путиным в Послании Федеральному Собранию (от 04.12.2014), в котором отмечена необходимость строить международное общение на основе базовых принципов среди которых: сохранение национальной самобытности и государственного суверенитета всех стран-участниц, что уже подкреплено поправками в действующую Конституцию, посвященными решениям межгосударственных органов, которые, в случае их противоречия Основному закону, не подлежат исполнению в Российской Федерации.

Целью настоящего исследования является иллюстрация преемственных аспектов в науке и практике конституционного права в свете современного процесса новеллизации сквозь призму конституционной самобытности.

Примечательно, что не всеми авторами поддерживается идея существования «конституционной самобытности». Полагаем, основой этой неточности может являться проблема перевода положений Договора о Европейском Союзе, где впервые используется оборот «national identities», воспринимаемый в русском языке как «национальные идентичности». В результате чего в государственно-правовой доктрине рассматривается именно вопрос о конституционной идентичности, отражающей нечто особенное, присущее конкретному государству. Однако более точный перевод этого иностранного термина на русский говорит об идентичности как о тождественности, схожести, но не своеобразии.

В этом контексте интересным видится замечание И. А. Кравца: «...в российском конституционализме и судебной юриспруденции конституционная идентичность, как правило, ассоциируется с правом страны отстаивать конституционную самобытность во взаимодействии с межгосударственными органами» [2, с. 818]. Далее, продолжая свою мысль, ученый говорит, что «конституционная самобытность – продукт диалога не только истории, права и культуры, но и диалога различных конституционных культур в процессе взаимного обмена и развития» [2, с. 839].

Схожие идеи высказывает и А. Манасян, предлагая такой подход: «Конституционная идентичность – это оригинальность, индивидуальность и уникальность данной конституционной системы, которая включает в себя не только изначально существующие черты, придающие данной системе качество уникальности, но и черты более крупных систем, которые заимствованы конституционной системой, и с которыми последний начинает отождествлять себя» [3, с. 81], что дает возможность предположить: конституционная идентичность имеет две стороны: внутреннюю (конституционная самобытность) и внешнюю (конституционная идентичность).

Однако, по нашему мнению, категории «конституционная идентичность» и «самобытность» – это всё же не части одного целого. Так, первая – то общее, что присуще Основным законам государств, возникающее благодаря процессам рецепции и имплементации. В свою очередь, конституционная самобытность – явление, которое складывается из иных составляющих, к которым можно отнести преемственность, конституционные реставрации, нормативно закреплённый национальный интерес, находящий частичное отражение в конституционной психологии народа.

В качестве поддержки вышесказанного предлагаем изыскания М. В. Сальникова, отмечающего, что употребление терминологического оборота «политико-правовая традиция» наиболее уместно применительно к самобытности, преемственности в эволюции национальных политико-правовых систем. Им уточняется, что в первую очередь это специфическая система связей сегодняшнего дня с предыдущим [4]. Не сложно догадаться, что при таком подходе преемственность является важнейшей составляющей конституционной самобытности, через которую возможно сохранение конституционной индивидуальности государства.

Однако, не имея точного, формально закреплённого определения, преемственность рассматривается с различных позиций: с социологической (как связь между явлениями) [5]; с международно-правовой (как переход прав и обязанностей от одного государства к другому) [6]; с теоретико-правовой (как «заимствование» правом государства положений прошлых лет этого же государства или этой же правовой системы). Именно на последнем, как имеющем связь с конституционной самобытностью, мы акцентировали особое внимание.

О разрыве в векторе преемственности в российской государственно-правовой мысли упоминают не единожды: 1) в контексте формирования системы социалистического права, которое планировалось быть отличным от дореволюционного; 2) в рамках формирования современного конституционного права, не похожего на советское. Что в действительности не находит подтверждения.

Так, С. В. Липень уточняет, что отрицать значение преемственности права Советской России с правом дореволюционной России не вполне справедливо, и обосновывает это следующим: крупные массивы действовавших ранее предписаний и процедур повторно воспроизводились [7]. К этому добавим, что в дореволюционный период было выработано базовое определение понятия «юридической нормы», как: «норма, которая получает обязательную силу по предписанию законодательных органов верховной власти и этими же органами облается в определенную словесную редакцию, которая никем, кроме законодательных органов, изменяться быть не может» [8, с. 90]. И хотя это понятие не замечается в первых отечественных Конституциях (1918, 1924 гг.), но оно позже используется в Конституции СССР 1936 г., где в ст. 14 применяется широкая формулировка «законодательство», а далее – ст. 39 – «закон». Что же касается современных подходов к этому термину, то можно увидеть их теоретическую общность с имеющимися в дореволюционный период.

В трудах Н. И. Лазаревского (1910 г.) рассказывается, что в XVIII в. издается ряд нормативных актов, в которых уточнялось, что следовало «верить» лишь тем, которые собственноручно подписаны указом Государя. В этом смысле подпись становилась формальным признаком закона. Кстати, по этому вопросу велась активная дискуссия: одни ученые настаивали на главенстве подписи Государя, другие – на важности предварительного обсуждения законопроекта в Государственном Совете [9, с. 405–407]. Г. Ф. Шершеневич как раз обращал

внимание на первое, подкрепляя свой тезис тем, что только после подписи Государя закон обнародуется через Сенат в специальном издании: «Собрание узаконений и распоряжений правительства» [10, с. 100]. И в современных реалиях не оспаривается значимость официального источника опубликования нормативных правовых актов. А если сравнить стадии, которые должен пройти законопроект до его принятия в дореволюционном отечественном государстве и современном, то обнаруживается схожесть: «1) инициатива закона; 2) обсуждение и установление его текста; 3) утверждение или санкция; 4) обнародование» [9, с. 416]. Однако в советский период (до принятия Конституции СССР 1977 г.) нормотворческая деятельность различных ведомств занимала основные позиции, что в итоге приводило к падению значимости конституционных норм и разладу в системе источников конституционного права [11, с. 199]. Еще один интересный момент: само наименование ранее существовавшего органа «Сенат», а лиц, принимавших участие в его работе, – сенаторы. Это же мы можем наблюдать и в рамках внесенных поправок от 1 июля 2020 г.: изменение наименования «члены Совета Федерации» на «сенаторы» (ч. 2 ст. 95 Конституции РФ), что, оказывается, не является новеллой, если обратиться к предыдущему опыту отечественного государства, а скорее, конституционной реставрацией.

Существование нормативных правовых актов различных видов, необходимость их толкования и систематизации – разработки не только современной науки. Эти же идеи находят свои начала в трудах Н. М. Коркунова [12], Н. И. Лазаревского [9], В. М. Хвостова [8], Г. Ф. Шершеневича [10] и других видных специалистов. Примечательно, что обозначенные еще в дореволюционное время способы и формы систематизации нормативных правовых актов успешно используются современной юридической практикой, что можно увидеть на примере существующих кодексов.

П. Г. Виноградов писал: «Если существует письменная конституция, которую возможно видоизменить или расширить лишь путем особой процедуры, то изданные законодательными учреждениями законы подлежат контролю с точки зрения их согласия с этой конституцией» [13, с. 75], что вполне четко передает и современный подход к конституционному контролю, построению системы нормативных правовых актов.

Резюмируя изложенное, отметим, что знанию в сфере теории государства и права, конституционного права, несмотря на отказ от имеющегося ранее опыта, преемственность по некоторым направлениям всё же оказалась не чуждой. Причем, ее направления можно охарактеризовать так: 1) между юридической наукой российского и марксистского периодов; 2) между юридической наукой советского и современного периодов; 3) между российской дореволюционной и сегодняшней юридической наукой [7]. Следовательно, если преемственность близка доктрине, то она найдет отражение и в правовых нормах, так как ученые и создатели последних часто являются одними и теми же лицами. К тому же осуществление создания нормативных правовых актов происходит под влиянием тех же научных идей, формирующих правовую культуру, оказывающих большое влияние и на участников правотворческого процесса.

Сказанное подтверждается мнением Е. С. Аничкина, отмечающим, что элементы реставрации не чужды преемственности: «примером тому являются такие реставрированные из имперского прошлого конституционные явления, как институт губернаторства, институт мировой юстиции, суд присяжных» [14, с. 28].

Кстати, государственному праву страны Советов был знаком институт «наказов избирателей», нормы которого закреплялись в Конституции СССР 1977 г. (ст. 102): «Избиратели дают наказания своим депутатам. Соответствующие Советы народных депутатов рассматривают наказания избирателей, учитывают их при разработке планов экономического и социального развития и составлении бюджета, организуют выполнение наказов и информируют граждан об их реализации». И хотя в современных реалиях указанное не обрело конституционного закрепления как форма прямой демократии, практика показывает, что институт реставрируется посредством регионального регулирования, например, в Новосибирской области действует Закон Новосибирской области от 1 июля 2015 г. № 574-ОЗ «О наказах избирателей де-

путатов Законодательного Собрания Новосибирской области». Изложенное, по нашему мнению, является иллюстрацией преемственности между институтами советского и современного конституционного права.

Обращение к текстам ранее действовавших отечественных Основных законов, позволяет конкретизировать вопрос о преемственности содержания Конституции РФ 1993 г., что находит теоретическую разработанность в трудах Т. Ю. Ильченко [15], А. И. Бычкова [16], Т. З. Мисрокова [17], Д. А. Пашенцева [18], которыми отмечается схожесть некоторых актуальных и предшествующих им правовых норм.

Так, например, нормами Конституции РСФСР 1918 г. были лишены избирательного права лица: 1) признанные в установленном порядке душевнобольными и умалишенными; 2) состоящие под опекой; 3) лица, осужденные за корыстные и порочащие преступления на срок, установленный законом или судебным приговором (ст. 65, п. е, ж Конституции РСФСР). В современной интерпретации это же положение закреплено почти аналогично: «не имеют право избирать и быть избранными граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда» (ч. 4 ст. 32 Конституции РФ 1993 г.).

Не отказались и в закреплении в действующей Конституции РФ 1993 г. норм о всеобщем, равном, прямом избирательном праве при тайном голосовании, которые были введены Конституцией РСФСР 1937 г.

Новелла советского конституционного законодательства – институт народных заседателей, известных Конституции СССР 1936 г. (ст. 103), а также открытость судопроизводства (ст. 111), участие в суде защиты обвиняемого и право последнего выступать в суде на родном языке были переняты и нормативно закреплены в Конституции РФ 1993 г.

Распространенное мнение об отрицании принципа разделения властей в советский период находит несколько иное формально-юридическое подтверждение. Так, в Конституции СССР 1936 г. появляется глава 9 под названием «Суд и прокуратура», что дает основание полагать: обозначенный выше «принцип» начинает входить в практику через концентрацию судебных функций в отдельной ветви власти, а глава 7 современного Основного закона имея схожее название «Судебная власть и прокуратура», может продемонстрировать преемственность идей прошлого.

Важные юридические свойства Конституции РФ 1993 г. – высшая юридическая сила, верховенство на всей территории России и прямое действие – впервые закрепляются еще в Конституции СССР 1936 г., что можно установить путем толкования ее норм (ст. 19, 20). В дальнейшем эти постулаты распространяются и на бывшие советские республики, ставшие независимыми государствами.

Прообраз категории «многонациональный народ Российской Федерации» встречается в преамбуле Конституции РСФСР 1978 г., которая содержала обращение ко «всем народам», «всем нациям и народностям Российской Федерации».

По идее, преемственность как юридическая категория начинает встречаться с 1925 г. в нормах Основного закона РСФСР (ст. 20 даже пролонгирует действие предыдущего акта), ранее едва ли это было возможно ввиду отсутствия как такового конституционно-правового регулирования в его современном понимании, так как первый документ, с которого можно было бы это осуществить, был принят в 1918 г.

Т. Ю. Ильченко отмечает, что в Конституции РСФСР 1978 г. преемственность идей и принципов Конституции РСФСР 1918, 1925, 1937 гг. формально закрепляется в преамбуле как одна из основ конституционного развития. В современном Основном законе в таком же структурном элементе содержатся схожие положения. Ученая полагает, что преамбула Конституции России служит средством легализации преемственности правовой политики. Эту же роль играет раздел «Заключительные и переходные положения» [15, с. 46], следовательно, именно через легализованную преемственность можно говорить о попытке сохранения конституционной самобытности.

Кстати, «Законом о поправке в Конституцию Российской Федерации» (ч. 1 ст. 67¹) было внесено положение о том, что Российская Федерация является правопреемником Союза ССР на своей территории <...>, что, безусловно, конкретизирует положения, закрепленные в преамбуле и легализует преемственность Российской Федерацией наследия СССР.

М. Н. Марченко, обосновывая общность конституций 1978 и 1993 гг., пишет, что их разработка и принятие происходила под влиянием идей и принципов западного конституционализма и либерализма [19, с. 271–278].

Отмеченное влияние западных концепций, полагаем, связано еще и с теми международными обязательствами, которые на себя брал сначала СССР, а затем Российская Федерация. И, возможно, в ранее обозначенном находит свое проявление не рецепция, а последовательная универсализация конституционного права, делающая его схожими (идентичными), относительно других государств. В частности, закрепление в главе 2 прав и свобод человека и гражданина соответствует положениям Всеобщей декларации прав человека 1948 г., Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г.

Возвращаясь к некоторым вопросам рецепции западных концепций, стоит отметить, что введение нового дискуссионного института «федеральных территорий» (ч. 1 ст. 67 Конституции РФ 1993 г.) не является чем-то эксклюзивным. И, едва ли они могут выступать элементом, который можно было бы отнести к понятию конституционной самобытности. В связи с тем, что возможность создания «федеральной территории с особым статусом» закреплена, например, в Конституции Бельгии: «Закон может изъять некоторые территории, границы которых он устанавливает, из провинциального деления, подчинить их непосредственно федеральной исполнительной власти и определить для них особый статус» (ст. 5), что справедливо иллюстрирует М. В. Мархгейм [20, с. 31]. До 1959 г. Аляска в США представляла собой федеральный округ, а после она стала именоваться федеральной территорией.

В то же время именно для Российской Федерации опыт введения федеральных территорий является новым, и едва ли будет полезен детальный анализ существующих в зарубежных странах форм государственного устройства ввиду особой специфики отечественных фактических национальных отношений.

Выделить в единую сущность обозначенный институт весьма сложно, учитывая многообразие уже существующих в России особых территориальных образований, как точно отмечают Г. Д. Монахов и Э. В. Твердохлебова [21, с. 284].

Более того, ввиду отсутствия на момент принятия поправок в действующую Конституцию РФ конкретизирующего акта или доктринальных разработок в этой сфере, невозможно уточнить какое содержание предполагается для описываемого явления. Очевидно лишь одно: это не еще один субъект Российской Федерации, так как их виды четко определены в ч. 1 ст. 5 Основного закона: республики, края, области, города федерального значения, автономная область, автономные округа.

Исходя же из смысла норм, которые закреплены Федеральным законом от 22 декабря 2020 г. № 437-ФЗ «О федеральной территории “Сириус”», напрашивается вывод, что речь идет о территории, находящейся в непосредственном управлении федеральных органов власти, образованных по правилам, регламентированным законом, и занимающей часть Краснодарского края. Причем «Сириус» имеет собственный бюджет, имущество и имущественные права, а собственником последнего являются органы государственной власти федерального значения, что справедливо замечает А. Ю. Сибилева [22, с. 54].

Следовательно, «федеральные территории» – заимствованный терминологический оборот, лишенный преемственности, так как обладает определенного рода новизной для науки и практики конституционного права, что усложняет уточнение этого понятия и познание его категориального значения.

Обобщая вышесказанное, необходимо отметить, что происходящие процессы новеллизации конституционной науки и практики базируются на некоторых преемственных аспектах. Причем, вопреки расхожему мнению, можно обнаружить, что процесс этот происходил

непрерывно: как между социалистическим правом и дореволюционным, «союзным» и современным, современным и досоветским.

Более того, преемственность в конституционном праве, в отличие от рецепции, является одной из форм сохранения конституционной самобытности, проблема которой актуальна и по сей день, учитывая нарастающий процесс глобализации, влекущий за собой универсализацию конституционно-правовых норм, стирающий различия между Основными законами государств.

Список литературы

1. **Чувилкин К. В.** Преемственность конституционного развития российского государства: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. 25 с.
2. **Кравец И. А.** Господство права как универсальная ценность и многообразие конституционной идентичности // Вестник СПбГУ. Право. 2020. Т. 11, вып. 4. С. 813–851.
3. **Manasyan A.** The idea of constitutional identity in the modern constitutional thought // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 3. С. 81–98.
4. **Сальников М. В.** Политико-правовая традиция, правовая культура и правовая система: к вопросу о соотношении категорий // Мир политики и социологии. 2012. № 9. С. 154–156.
5. **Рубанов В. Г.** Структура и механизмы социальной преемственности // Изв. Том. политехн. ун-та. 2013. Т. 323, № 6. С. 111–117.
6. **Рудакова Е. В.** Актуальные аспекты правопреемства в конституционном праве России: Монография. М.: Юрлитинформ, 2013. 200 с.
7. **Липень С. В.** Преемственность в развитии юридической науки как аспект общей проблемы преемственности в праве // Юридическая техника. 2011. № 5. С. 294–297.
8. **Хвостов В. М.** Общая теория права: Элементарный очерк. 6-е изд., испр. и доп. СПб.: Н. П. Карбасников, 1914. 147 с.
9. **Лазаревский Н. И.** Лекции по русскому государственному праву. 2-е изд. СПб.: Тип. акционерного общества «Слово», 1910. Т. 1: Конституционное прав. 480 с.
10. **Шершеневич Г. Ф.** Общее учение о праве и государстве. М.: Тип. тов-ва И. Д. Сытина, 1908. 159 с.
11. **Томашевский Н. П.** О структуре правовой нормы и классификации ее элементов // Вопросы общей теории советского права: Сб. ст. / Под ред. С. Н. Братуся. М.: Гос. изд-во юрид. лит., 1960. С. 194–254.
12. **Коркунов Н. М.** Лекции по общей теории права. 7-е изд. М.: Н. К. Мартынов, 1907. 354 с.
13. **Виноградов П. Г.** Очерки по теории права. М.: Тов-во А. А. Левенсона, 1915. 156 с.
14. **Аничкин Е. С.** Конституционное право Российской Федерации и стран Центральной Азии в контексте универсализации // Правовые системы России и стран Центральной Азии: проблемы развития и взаимовлияния: Сб. материалов Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию юридического факультета АлтГУ / Под ред. А. А. Васильева, Е. С. Аничкина. Барнаул: Изд-во АлтГУ, 2018. С. 27–33.
15. **Ильченко Т. Ю.** Конституции России: преемственный аспект // Вестник Ом. ун-та. Серия «Право». 2012. № 4 (33). С. 44–55.
16. **Бычков А. В.** Историко-правовая характеристика Конституции СССР 1936 г. // История государства и права. 2012. № 9. С. 18–21.
17. **Мисроков Т. З.** Новационизм и традиционализм в конституции новой России // Юридический вестник ДГУ. 2018. Т. 28, № 4. С. 28–31.
18. **Пашенцев Д. А.** Конституция РСФСР 1918 года как памятник революционной эпохи (к 100-летию первой Российской Конституции) // Государство и право. 2018. № 11. С. 90–96.

19. **Марченко М. Н.** Советское и постсоветское государство и право (сравнительно-правовое исследование): Учеб. пособие. М.: Проспект, 2017. 386 с.
20. **Мархгейм М. В.** Обновление Конституции России: институциональный эскиз // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 7 (122). С. 29–32.
21. **Монахов Г. Д., Твердохлебова Э. В.** Федеральная территория в России: риски и перспективы // Современный ученый. 2021. № 2. С. 284–289.
22. **Сибилева А. Ю.** К вопросу о правовом статусе федеральных территорий // Учен. зап. Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Юридические науки. 2020. Т. 6 (72), № 3. С. 49–56.

References

1. **Chuvilkin K. V.** Continuity of the constitutional development of the Russian state. Abstract of PhD Diss. Moscow, 2013, 25 p. (in Russ.)
2. **Kravets I. A.** The rule of law as a universal value and the diversity of constitutional identity. *Bulletin of St. Petersburg State University. Right*, 2020, vol. 11, no. 4, pp. 813–851. (in Russ.)
3. **Manasyan A.** The idea of constitutional identity in the modern constitutional thought. *Law. Journal of the Higher School of Economics*, 2018, no. 3, pp. 81–98.
4. **Salnikov M. V.** Political and legal tradition, legal culture and legal system: on the question of the relationship between categories. *World of Politics and Sociology*, 2012, no. 9, pp. 154–156. (in Russ.)
5. **Rubanov V. G.** The structure and mechanisms of social continuity. *Bulletin of the Tomsk Polytechnic University*, 2013, vol. 323, no. 6, pp. 111–117. (in Russ.)
6. **Rudakova E. V.** Actual aspects of legal succession in the constitutional law of Russia: Monograph. Moscow, Jurlitinform, 2013, 200 p. (in Russ.)
7. **Lipen S. V.** Continuity in the development of legal science as an aspect of the general problem of succession in law. *Legal technology*, 2011, no. 5, pp. 294–297. (in Russ.)
8. **Khvostov V. M.** General theory of law: Elementary sketch. 6th ed., rev. and add. St. Petersburg, N. P. Karbasnikov, 1914, 147 p. (in Russ.)
9. **Lazarevsky N. I.** Lectures on Russian state law. 2nd ed. St. Petersburg, Publ. of the joint-stock company “Slovo”, 1910, vol. 1: Constitutional rights. 480 p. (in Russ.)
10. **Shershenevich G. F.** General doctrine of law and state. Moscow, I. D. Sytin Publ., 1908, 159 p. (in Russ.)
11. **Tomashevsky N. P.** On the structure of a legal norm and the classification of its elements. In: Questions of the general theory of Soviet law: a collection of articles. Ed. by S. N. Bratus. Moscow, State Publishing House of Legal Literature, 1960, pp. 194–254. (in Russ.)
12. **Korkunov N. M.** Lectures on the general theory of law. 7th ed. Moscow, N. K. Martynov Publ., 1907, 354 p. (in Russ.)
13. **Vinogradov P. G.** Essays on the theory of law. Moscow, A. A. Levenson Co. Press, 1915, 156 p. (in Russ.)
14. **Anichkin E. S.** Constitutional law of the Russian Federation and Central Asian countries in the context of universalization. In: Legal systems of Russia and Central Asian countries: problems of development and mutual influence: Collection of materials of the International scientific-practical conference dedicated to the 55th anniversary of the law faculty of Altai State University. Eds. A. A. Vasiliev, E. S. Anichkin. Barnaul, Altai State Uni. Press, 2018, pp. 27–33. (in Russ.)
15. **Ilchenko T. Yu.** Constitutions of Russia: the successive aspect. *Bulletin of Omsk University. Series “Right”*, 2012, no. 4 (33), pp. 44–55. (in Russ.)
16. **Bychkov A. V.** Historical and legal characteristics of the Constitution of the USSR in 1936. *History of State and Law*, 2012, no. 9, pp. 18–21. (in Russ.)

17. **Misrokov T. Z.** Novationism and traditionalism in the constitution of the new Russia. *Legal Bulletin of the DSU*, 2018, vol. 28, no. 4, pp. 28–31. (in Russ.)
18. **Pashentsev D. A.** The Constitution of the RSFSR of 1918 as a monument to the revolutionary era (to the 100th anniversary of the first Russian Constitution). *State and Law*, 2018, no. 11, pp. 90–96. (in Russ.)
19. **Marchenko M. N.** Soviet and post-Soviet state and law (comparative legal research): a tutorial. Moscow, Prospect, 2017, 386 p. (in Russ.)
20. **Markhgeim M. V.** Updating the Constitution of Russia: an institutional sketch. *Science and Education: Economy and Economy; entrepreneurship; law and governance*, 2020, no. 7 (122), pp. 29–32. (in Russ.)
21. **Monakhov G. D., Tverdokhlebova E. V.** Federal territory in Russia: risks and prospects. *Modern scientist*, 2021, no. 2, pp. 284–289. (in Russ.)
22. **Sibileva A. Yu.** On the issue of the legal status of federal territories. *Scientific notes of the Crimean Federal University named after V. I. Vernadsky. Legal sciences*, 2020, vol. 6 (72), no. 3, pp. 49–56. (in Russ.)

Информация об авторе

Татьяна Ивановна Ряховская, кандидат юридических наук, доцент
SPIN 2018-8126

Information about the Author

Tatyana I. Ryakhovskaya, Candidate of Sciences (Law), Associate Professor
SPIN 2018-8126

*Статья поступила в редакцию 25.12.2021;
одобрена после рецензирования 01.02.2022; принята к публикации 01.02.2022
The article was submitted 25.12.2021;
approved after reviewing 01.02.2022; accepted for publication 01.02.2022*